

Читатель. Тени минувшего // Возрождение (Париж).
1926. 21 июня. № 384. С. 2.

Тыни минувшего

Известный литератор и театральный деятель А. Р. Кугель (Номо Novus) живший в Советской России, выпустивший вторую часть своих «Литературных воспоминаний».

В новой своей книге, посвященной названию «Листья с дерева» автор рассказывает о множестве литературно-художественных встреч в качестве редактора «Театра и Искусства», члена редакции «Руси», руководителем «Криного Зеркала».

«Театр и Искусство» — это в действительности лучший и серьезнейший журнал по театральным вопросам — был начат с основным капиталом в... 300 рублей.

Кугель, по собственному его признанию, мало задумывавшийся над хозяйственной стороной будущего журнала и представлявший себе дело так, что не медленно же после объявления о выходе журнала, все актеры, театры, рестораны и кофейни ринутся на него подписываться, считая, что для начала этих денег вполне хватит...

Спустить его на землю с небес покойный А. С. Суворин.

— Так как же вы сведете концы с концами?

Случай помог Кугелю до открытия журнала увеличить свой капитал больше чем втрое. Приглашал его как-то небезызвестный в то время адвокат Н. О. Холева пообедать. Холева был большой любитель «картинки», и после обеда предложил перекинуться по маленькому.

«Но охотников», — рассказывает Ку-

гель, — решительно не было, кроме одного присяжного поверенного и еще моего приятеля Д. В. Багницкого, очень способного, живого и бывалого журналиста, располагавшего для игры капиталом в пять рублей 5. За отсутствием партнеров Холева пристал ко мне, и так как и в игре были очень слабы, то они успокоили меня, сказав, что банк все время будет держать они. Наконец, я согласился, и игра, так сказать, «заключилась».

Игра продолжалась до 6 утра, и в результате Кугель унес больше 400 рублей.

Из длинного ряда сотрудников журнала в первый период его жизни интересны в обрисовку Кугеля фигуры покойного В. А. Тихонова и В. П. Далматова.

— Тихонов, повествуя автору, был своеобразный тип русского враля, доброго малого и талантливой натуры на распушку. Он был, кажется, купеческого рода, с Поволжья... Он был живой, бойкий, занимательный, веселый человек — полная противоположность А. К. Луговому, брату своему.

Луговой Тихоня не любил, а когда ему говорили:

— Видишь, брат Луговой?

То он немедленно поднимал свои рычавшие брови и отвечал:

— Извините: Луговой — мой брат...

Тихонов был счастлив и ярче Лугового. Но Луговой был болел чахоткой, вел жизнь дельную, аккуратную, считался поэтому, так сказать, «в лагерь передового движения», и его глухому го-

лосу, глухому черному сортуку и глухому воображению, вполне соответствовала описка «либеральной укоризны».

— А между тем, констатирует Кугель, настоящего свободомыслия у Лугового не было, ни на грош, как, впрочем, у значительного большинства, так называемых либералов.

Тихонов писал очень яркие комедии, живые рассказы, был наблюдателем, порою острым, но так как при этом мог сказать о себе словами Горбуновского персонажа: «я, ваше скорбное, не политический человек, я, — человек пьяный», то считался ниже Лугового и много ниже его котирировался на литературной бирже. Отсюда понятно его раздражение.

Тихонов долго и мучительно умирал от склероза сердца, продолжая по пивать кахетинское и курить по сотне папирос в день, причем, закуривая одну за другой — «экономил на спичках», как он выражался. Луговой его пережил на несколько лет.

Весьма усердными сотрудниками журнала в первые годы был В. П. Далматов.

— Совершенно необычайный, единственный в своем роде! — аттестует этого Петрония русской сцены Кугель, бывший с Далматовым в приятельских отношениях.

Великий артист был подвержен многим человеческим слабостям. Напротив, он молчалив из всех сил.

Кугель рассказывает такой случай: — Однажды Далматов посетил своего сына, жившего где-то под Шлиссельбургом. На пристани сын вышел провожать Далматова с маленьким нуком на руках, и, когда пароход стал отчаливать, крикнул: «до свидания, папа!» Разумеется, Далматова вся публика отлично знала в лицо. Он нашелся.

Он приподнял свой острый цилиндр и крикнул в ответ: «шутник — Иван Иванович!» — и погрозил пальцем. В нем был ключик мягкой обезоруживающей юмор — и как было противостоять ему?

В «Театр и Искусство» начинал и Юрий Бляев.

— Я не помню сейчас, рассказывал автор мемуаров, откуда и как попал в редакцию сухенький, очень высокий, востроносый и быстроглазый юноша. До «Театра и Искусства» он писал, если не ошибаюсь, в журнал «Свисток» и не столько писал, сколько участвовал в качестве натуралиста для фотографических иллюстраций, которые издатель тогда ввел, как последний крик моды.

— Бляев, — читаем дальше, — писал ужасно. У него были почерки, который французы называют «traites de touches», мушкетерские, и, разбирая его рукописи, я, отличавшийся сильным зрением, приходил в отчаяние. Но не только почерки его были ужасны. Изложение Юрия Бляева отнюдь не было бездарно или неграмотно — о, наоборот! — а только по нагромождению матерьяла, по отсутствию точной и ясной основной мысли, по неяркой и несуровой архитектонике статей. Он был довольно сведущ по театральной части, но его начитанность и его сведения лежали вкось, как наваленное кучей в корзинку платье и белье. Я иногда просиживал над его прокламацией рукописи, приводил ее в порядок и вылавливая редакторским карандашом кое-какие обрывки.

Иногда между редактором и сотрудниками происходили такие сценки.

Бляев цел жизни больше, чем раз-свистуху и вечно приставал с прось-

бами об авансах, а для скудной кассы «Театра и Искусства» авансы, даже в минимальном размере, являлись делом отнюдь не маловажным. Тогда редактор извлекал из кармана трехрублевую бумажку, разглаживал ее на столе и говорил Бляеву:

— Вот, Юрий Дмитриевич, прекрасная трехрублевая ассигнация... На нее вы можете купить много прекрасных вещей.

Бляев вскидывал горящие глаза и с жадностью протягивал руку. Тогда Кугель убирал бумажку и заявлял:

— Но для того, чтобы получить эту бумажку, вы должны привести в порядок вашу статью, в которой сама черта ничего не разобрать.

Бляев тяжело вздыхал и принимался за работу.

— Гдѣ это вы откопали Бляева? — спрашивали потом Кугеля, — талантливый юноша!

— Да, признается постыдный, — он был несомненно талантливым, но чего мне стоила его талантливость, про то вдалеку гряде да подоплека.

Юрию о Чехове, с которым у Кугеля, по его собственному признанию, были «холодные, почти натянутые отношения», Кугель вспоминает картину первого представления «Чайки», сопровождавшегося памятным провалом пьесы.

«Нужно представить себе старый Александринский театр в бенефицие Люжиной, когда по добному старому обычаю, роли распределялись между премьерами, потому что премьеры от бенефицина спектакля не могут отказаться, а участие премьеров обеспечивает сбор».

— «Провал» почувствовался с первых же сцен. Это был один из тех катастрофических театральных

неприятностей, когда публика, не усвоившая не понимая, что хотят актеры, с необходимыми упреками и необычайным легкомыслием не желает вникать в дело и создает спектакль из своего собственного неслабого настроения. Тогда актеры, путавшиеся и раньше в ролях, которые они плохо чувствовали, окончательно теряют власть над собой и либо стараются скорее отбарабанить слова и уйти со сцены, либо, — что еще хуже и уже совсем неблагоприятно, — начинают играть в тон публике, не только не стараются сдвигать слова роли более вразумительными, но, наоборот, сугубо подчеркнутая их кажущаяся неважностью и превращая спектакль в пародическое представление.

«В таких патетических мистах за ла хохотала порою, как сумасшедшая: так было, например, когда Чайка — Комиссаржевская в последнем акте за веревку встала, по простому, изображая что-то театральное из своих сценических переживаний. Действительно, полетела полу-пародическим углом зрения, каким публика смотрела на «Чайку», с самого начала, эта, неизвестно откуда взявшаяся коленикорона простыня, в которую завернулась артистка, могла вызвать хохот».

Как известно, Чехов убежал из театра, затѣм уехал в Москву, чество рецензентов.

Кугель был в числе критиков, недоброжелательно отозвавшихся о «Чайке». Чехов был очень зол на Кугеля и говорил о нем с негодованием. Но Кугель не раскаивался в своем отзыве об этой пьесе.

— И сейчас, говорит он, прощая свои впечатления, я держусь о «Чайке» такого же мнения, даром, что она была как эмблема на занавесе «Художественного Театра».

Почти съ каждой страницы интереснаго повѣствованія Кугеля глядѣть на читателя крупныя литературныя и артистическія имена той эпохи. Иныхъ уже нѣтъ а тѣ далече.

Трахтенбергъ, Леонидъ Андреевъ, Вл. Немировичъ - Данченко, Савина, Яворская, Найденовъ...

У Кугеля въ домѣ частенько собирались литераторы, преимущественно драматурги, читали свои новыя пьесы, бесѣдовали, спорили.

Какъ то разъ, вспоминаетъ авторъ, завязался споръ о чемъ - то. Спорили Чириковъ, Юшкевичъ, а подзадаривалъ Далматовъ. Юшкевичъ, который всегда былъ — какъ - бы это выразиться? — эгоистъ, что-ли, — сталъ говорить о своихъ пьесахъ, и о томъ какъ у него глубоко выходитъ трагедія, а выходитъ потому, что онъ, Юшкевичъ, владѣетъ тайной бытія — что-то въ этомъ родѣ. Найденовъ молчалъ и пилъ вино. И вдругъ онъ густо покраснѣлъ, и, вскинувъ пенснэ, молвилъ:

— Да у васъ, Юшкевичъ, вообще драмы нѣтъ.

У Юшкевича отъ неожиданности и негодованія даже дыханіе сперло и, заикаясь болѣе обыкновеннаго, онъ сказалъ:

— К-акъ н-нѣтъ драмы?

Но Найденову, что называется, вожжа попала подъ хвостъ.

— А такъ, нѣтъ... У васъ въ чемъ драма? Бѣдному еврею нуженъ самоваръ — ну, купите ему самоваръ, вотъ и конецъ драмы. А другой еврей страдаетъ потому, что ему необходимо 25 рублей — и драма кончилась. Вы не обижайтесь, а только вашей драмѣ цѣна 25 рублей.

Юшкевича чуть не хватилъ ударъ.

Названіе театру «Кривое Зеркало» придумалъ покойный критикъ А. А. Измайловъ

Главное основаніе успѣху театра положила знаменитая «Вампука», сочиненная придворнымъ «кривозеркальнымъ» композиторомъ Эренбургомъ на текстъ фельетона «Вампука, невѣста африканская» подписаннаго Манцениловымъ и появлявшагося въ «Новомъ Времени».

Готовились къ «Вампукѣ» со страхомъ. Боялись провала. Эренбургъ, дирижировавшій этой оперой - пародіей, до того волновался на первомъ представленіи, до того боялся провала, что сѣлъ за пультъ въ парикъ и съ подвязанной сѣдой бородой...

Театръ ѣздилъ на гастроли въ Москву и въ провинцію. Вездѣ былъ успѣхъ, полныя сборы. Острыя формы новаго, еще неслыханнаго театральнаго жанра привлекали на спектакль «Кривого Зеркала» самую избранную интеллигентную публику. Толпа, плохо разбиравшаяся въ тонкостяхъ криво - зеркальнаго стиля, слѣдовала за интеллигенціей.

Не обходилось и безъ курьезовъ.

Изъ Кременчуга театру пришлось удирать задворками, опасаясь столкновенія съ возмущенной публикой. Въ какомъ-то другомъ небольшомъ городѣ, послѣ окончанія спектакля, кучка мелкихъ канцеляристовъ, окруживъ труппу въ саду, обзывалъ ее «мошенниками» и «хулиганами».

Одна еврейская дама въ Одессѣ замѣтила, что, конечно, «Вампука» недурная вещь, но она слышала лучшія оперы — напримѣръ «Африканку». Нѣкій «хранитель минерологическаго кабинета» въ одномъ изъ южныхъ городовъ, прослушавъ «Вампуку», счелъ необходимымъ взяться за перо и изложить письменно свое возмущеніе по поводу «небрежнаго и балаганнаго исполненія» «произведенія высокаго опернаго искусства». Онъ принялъ все всерьезъ — всю исторію афри-

канской невѣсты, для которой въ пустынѣ ищутъ стаканъ воды.

Въ клочкахъ воспоминаній А. Р. Кугеля удѣлено мѣсто не только театральнотелитурнымъ встрѣчамъ и фактамъ. Много интереснаго и живого матеріала найдетъ тамъ читатель и изъ области политическихъ и общественныхъ событій тогдашней эпохи. Пусть, въ своихъ воспоминаніяхъ авторъ и грѣшитъ иной разъ противъ исторической перспективы, и о событіяхъ и явленіяхъ сравнительно мелкихъ, говорится въ его книгѣ иной разъ больше, чѣмъ о крупныхъ и значительныхъ. Это не умаляетъ интереса къ его труду. И даже наоборотъ. Мелкія черточки иногда интереснѣе описанія самого событія. Примѣръ. Гапонъ — «вождь рабочихъ», мрачный герой 9 января всѣмъ знакомъ и всѣми описанъ. И ничего новаго не скажешь.

А Кугель сказалъ. Онъ припомнилъ свои встрѣчи съ Гапономъ за два года до его политической карьеры.

Дѣло было въ Старой Руссѣ.

— Наше театральное вниманіе, рассказываетъ Кугель, неоднократно обращалъ на себя черненькій, сухонькій, не высокій попикъ съ быстро бѣгающими насмѣшливыми глазками, державшійся передъ началомъ спектакля въ тѣни театра, затѣмъ при третьемъ звонкѣ незамѣтно, какъ мышь, скрывавшійся на галлереѣ и оттуда смотрѣвшій спектакль. «Какіе завелись нынче попы!» говорили у насъ въ театральномъ кружкѣ и старались устроить Гапона поудобнѣе.

Гапонъ — театральный завсегдатай, какъ и сотня другихъ персонажей, перечисленныхъ въ мемуарахъ Кугеля — былъ маленькій, маленькій штришекъ времени, легкая тучка на ясномъ небѣ.

Потомъ они соединились въ большую тучу и за грохотомъ бури забылись...

Читатель.